

Он не смог, на наш взгляд, привести факты в систему, выявить их внутреннюю связь, понять сущность рассматриваемых социальных отношений.

Если учесть все, что было сказано выше об отстаиваемой Э. Терреем трактовке понятий материалистического понимания истории, то причина неудачи, постигшей его, станет еще более ясной.

И об этом нельзя не пожалеть, ибо не может быть никаких сомнений в искренности стремления Э. Террея доказать возможность использования исторического материализма для изучения первобытного общества и самому руководствоваться материалистическим пониманием истории в своих исследованиях. Будем надеяться, что в последующих своих работах автор рецензируемой книги сумеет преодолеть отмеченные недостатки и достигнет желаемой цели.

Ю. И. Семенов

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

В. Б. Мириманов. Первобытное и традиционное искусство, М., 1973, 319 стр.

Книга В. Б. Мириманова «Первобытное и традиционное искусство», выпущенная в серии «Малая история искусств», рассчитанной на широкого читателя, представляет собой несколько необычное и, скажем сразу, отрадное явление в нашей литературе. В этой работе, написанной, как сейчас принято говорить, на стыке искусствоведения, этнографии и истории первобытного общества, рассматривается целый комплекс важных и сложных проблем, связанных с возникновением и развитием изобразительного искусства и художественного творчества вообще в доклассовых обществах. Вместе с тем этот очерк, построенный на базе последних достижений советской и мировой науки, написан очень хорошим языком, без малейших следов злоупотребления специальной терминологией.

По всем разделам книги последовательно проводится одна идея — о художественном творчестве как специфически человеческой форме деятельности, в равной мере присущей всем народам, населяющим земной шар. Именно поэтому автор стремится показать единство основных этапов развития изобразительного искусства в разных регионах, особенно в тех случаях, когда совершенно невозможно говорить о прямой преемственности или непосредственном влиянии, например в Океании и во Франко-кантабрийском районе.

В. Б. Мириманов уделил большое внимание таким важным вопросам, как причины возникновения художественного творчества и его роль в развитии человеческого общества на ранних этапах последнего. Автор совершенно прав, когда утверждает, что «только появление *общественного* человека (курсив автора) могло вызвать к жизни тот специфический вид сознательной деятельности, который мы называем искусством» (стр. 22). Едва ли можно возражать и против мнения В. Б. Мириманова о том, что понятие художественной деятельности в применении к первобытному человеку не идентично понятию искусства «в том смысле, который приобрело это понятие позднее», поскольку формирующееся эстетическое чувство поначалу растворено, по выражению автора, в сложном синкретическом духовном комплексе (стр. 23). Однако заявление, будто «искусство как особый вид деятельности *социального* (курсив автора) человека также сыграло значительную роль в формировании современного вида *Номо sapiens*» (стр. 22), при всех оговорках, какие высказаны далее, видимо, все же чрезмерно категорично.

В. Б. Мириманов прав, когда рассматривает общность сюжетов и стилистики палеолитического искусства практически на всей территории ойкумены как свидетельство единства человечества. «Следует признать, — подчеркивает он, — что эта общность не может быть ни чем иным, как стихийным выражением общего начала, но не в плане отдельной этнической группы, а в масштабе общечеловеческой общности» (стр. 60). После сложения *Номо sapiens* как биологического вида продолжавшаяся трудовая деятельность, в которую теперь входило и художественное творчество как особый ее вид, в частности изобразительное искусство, способствовала дальнейшему совершенствованию производственных навыков человека и орудий его труда, причем процесс этот был весьма длительным. «Первобытному человеку, — подчеркивает автор, — понадобились сотни тысячелетий, чтобы проделать путь от грубого рубила до острого тонкого резца, которым выгравированы были на камне первые изображения. Та же деятельность развивала подвижность руки и сделала способной к художественному творчеству» (стр. 28).

Значительное место в книге уделено анализу тех функций, какие выполняло (и выполняет сейчас) искусство в жизни создавшего его общества. Функции искусства в первобытном обществе детально рассматриваются в специальной главе работы (стр. 55—102). В целом и предлагаемая автором классификация, и истолкование им различных функций представляются достаточно обоснованными и убедительными. Однако, видимо, целесообразно было бы при анализе социальной функции искусства (стр. 69—73) не ограничиваться указанием на активное участие искусства в политической борьбе или на

переплетение этой функции — в традиционном искусстве — с магико-религиозной (стр. 69). Ведь в рамках социальной функции одно из главных мест занимает сплавивание общества, интеграция его членов в единое целое; именно в этом смысле искусство теснейшим образом сочетает социальную и идеологическую, в частности магико-религиозную, функции. Роль изображений предков, например, никоим образом не ограничена только культовой стороной: эти изображения, как правило, служат и символом единства родового коллектива, состоящего в представлении его членов как из живых, так и из мертвых сородичей. Притом интегрирующую роль искусство играет и в раннеклассовых обществах; пример Бенина, о котором В. Б. Мириманов говорит на стр. 70, 71, хорошо это подтверждает.

Плодотворной представляется и постановка в рецензируемой книге вопроса о соотношении искусства и религиозных представлений. В. Б. Мириманов со всей определенностью выступает против попыток вывести происхождение искусства из религиозных представлений. Он подчеркивает, что искусство «появилось и было уже достаточно развито в эпоху, когда религиозные представления только зарождались» (стр. 91). В то же время, хотя и трудно возразить против тезиса автора о том, что «все основные религиозные культы и обряды везде и во все времена были тесно связаны с различными видами искусства» (стр. 91—92), столь категоричное утверждение, как «объективное... существование религии немислимо вне искусства» (стр. 91), нуждалось бы в более подробной аргументации.

Вместе с тем, выделившись в качестве особого вида человеческой деятельности, искусство развивалось по своим собственным законам, только ему присущим. Это ярче всего проявилось в эволюции художественной формы и художественного стиля. Данному вопросу В. Б. Мириманов вполне основательно уделил большое внимание. Пожалуй, впервые в работе, рассчитанной не на специалистов, археологов и искусствоведов, а на широкую читательскую аудиторию, мы встречаемся со столь детальным изложением периодизации верхнепалеолитического искусства (стр. 142—155). В. Б. Мириманов подчеркивает и убедительно аргументирует то, что общее направление развития шло здесь от натурализма ко все большему уровню абстракции, к превращению реалистического изображения на поздних этапах в символ, зачастую не имевший никакого внешнего подобия изображаемому предмету. При этом автор показывает, что формирование эстетического чувства было неразрывно связано с производственной деятельностью человека; в процессе производства первобытному художнику приходилось наблюдать в окружающем его мире те или иные закономерности в форме предметов, их внешнем облике (стр. 95—96). И так происходило в любом из рассмотренных в книге регионов — Франко-кантабрийском и Сахарском, в Океании и на юге Африканского континента.

Наряду с анализом важнейших теоретических проблем, возникающих при изучении первобытного искусства, В. Б. Мириманов знакомит читателя с лучшими образцами художественного творчества древних людей. В частности, я не могу припомнить в нашей научно-популярной литературе такого детального и богато иллюстрированного описания одной из главных сокровищниц первобытной живописи — пещеры Ласко (стр. 128—140). Значение такого рода описаний в работе, предназначенной для широкого читателя, едва ли нуждается в объяснении.

Не меньший интерес представляет и та часть книги, в которой рассматривается традиционное искусство современных народов Африки и Океании. Должен признаться, что меня, африканиста, в особенности порадовало то внимание, которое уделил автор именно африканскому искусству, как древнему сахарскому и южноафриканскому, так и современному. В. Б. Мириманов сейчас один из самых авторитетных советских специалистов по искусству народов «Черного континента», и это в полной мере проявилось в «африканских» главах книги.

Со времени появления в свет русского перевода книги А. Лота «В поисках фресок Тассили» с предисловием Д. А. Ольдерогге¹ у нас не было еще опубликовано книги, где было бы дано столь подробное и исчерпывающее описание древнего искусства Сахары (речь идет, разумеется, о неспециальной научно-популярной литературе: во второй половине 60-х годов вышло из печати несколько исследований самого В. Б. Мириманова, рассчитанных на специалистов²). При этом в рецензируемой книге охвачены не только Тассили, но и другие области, где распространены наиболее древние наскальные изображения, такие как Феццан, о котором у нас до сих пор писали мало (стр. 202—208). Автор опровергает европоцентристские теории возникновения сахарского искусства, показывая, что оно вполне самобытно, и сфера его распространения составляет столь же самостоятельный художественный регион, как и расположенная сравнительно недалеко Франко-кантабрийская область. Вместе с тем В. Б. Мириманов отстаивает тезис о том, что искусство древней Сахары возникло независимо от становления художественного творчества в южноафриканском регионе (стр. 219 сл., 222 сл.). Раздел книги, посвященный древнему искусству Африки, имеет вполне самостоятельное научное значение, хотя он логически и композиционно связан с разделом о первобытном искусстве вообще.

¹ А. Лот, В поисках фресок Тассили, М., 1958.

² См.: В. Б. Мириманов, Африка. Искусство, М., 1967; его же, К вопросу о происхождении сахарского искусства, «Искусство Африки», М., 1967; Г. Чернова, В. Мириманов, Искусство Африки, М., 1964.

Значительная часть книги рассматривает современное традиционное искусство Африки и Океании. На большом фактическом материале автор показывает, что при всем усложнении форм и общественной жизни искусство это выполняло (а в значительной мере выполняет и в наши дни) те же основные функции, что и искусство первобытного общества. И в связи с этим В. Б. Мириманов подчеркивает относительную независимость формы и стиля художественного творчества, замедленный в сравнении с другими сторонами производства и социальной жизни темп их изменения, что позволяет передавать совершенно новое общественное содержание в традиционной форме произведения искусства (стр. 106—111). Не менее интересны мысли В. Б. Мириманова о понятии свободы творчества в применении к художнику традиционного общества (стр. 280, 281). Свобода в нашем понимании была в таком обществе невозможна: традиция ограничивала и выбор сюжета, и форму его отображения. Особенно ярко это проявилось в знаменитом искусстве Бенина, где канон в конечном счете совершенно задушил инициативу художника (стр. 273—279). Связь искусства с религиозными представлениями традиционного общества — одна из главных причин, способствовавших канонизации тех или иных художественных приемов и форм. Автор демонстрирует это на примере знаменитых масок «чиварра» (или «тъиварра») у народа бамбара, маски «канага» у догонов (стр. 281). Можно, пожалуй, добавить здесь, что разъяснение термина «канага», приведенное в словаре на стр. 303, недостаточно полно, поскольку речь идет не просто о символе связи земли и неба, но о символе всей космогонической концепции догонов³.

Книга превосходно оформлена полиграфически, в ней огромное количество безукоризненно выполненных иллюстраций.

Недостатки книги весьма немногочисленны и не сопоставимы с ее достоинствами. Так, в частности, на стр. 23—28, 97 рассматриваются некоторые общетеоретические вопросы. Ранее эти же вопросы со строго марксистско-ленинских позиций, вполне убедительно были разъяснены читателю (стр. 21, 22, 95, 96). Но вдруг автор, как бы испугавшись, что читатель не до конца понял его объяснения, начинает повторять уже сказанное. Такие повторы выглядят в тексте совершенно неорганичными и едва ли нужны.

И еще одно замечание. Как известно, серия «Малая история искусств» выпускается издательством «Искусство» совместно с издательством «Verlag der Kunst» в ГДР. Немецкое и русское издания должны бы, казалось, вполне соответствовать одно другому. Между тем если текст книги В. Б. Мириманова в целом идентичен в обоих изданиях, то библиографический аппарат издательство «Искусство» почему-то сочло возможным сократить. В результате немецкое издание вышло с указателем и подробной библиографией, а русское — без указателя и со списком литературы, настолько сокращенным, что, может быть, его бы вообще не стоило приводить. Хотелось бы, чтобы в последующих томах серии подобных сокращений не было.

В целом, однако, книга В. Б. Мириманова заслуживает самой высокой оценки. Эта работа, несомненно, большой успех и автора и издательства.

Л. Е. Куббель

³ См., например, J. Zwernemann, Masken und Figuren der Dogon im Linden-Museum, «Tribus», 1973, November, № 22, стр. 59—64.

A. Basu, A. K. Ghosh, S. K. Biswas, R. Ghosh (eds). Physical anthropology and its extending horizons. S. S. Sarkar memorial volume. Bombay — Calcutta — Madras — New Delhi, 1973, XI, 234 p.

Скончавшийся в 1969 г. индийский антрополог С. С. Саркар был автором многочисленных исследований по физической антропологии, демографии, этнографии. Сборник, посвященный его памяти, носит поистине интернациональный характер. Здесь представлены работы антропологов Австралии, Австрии, Англии, Бразилии, Мексики, Польши, СССР, США, Франции, Чехословакии и, конечно, Индии. В предисловии составители сборника, индийские антропологи А. Басу, А. Гхош, С. Бисвас и Р. Гхош, освещают научную деятельность С. Саркара, приводят список его трудов.

Содержание статей очень разнообразно. Ф. Сальзано (Бразилия) анализирует общее состояние антропологической науки на современном этапе. Сравнение того, как представлены различные разделы антропологии в трех известных учебниках, изданных в США и Англии, и двух крупнейших американских журналах с 1960 по 1969 гг. приводит автора к выводу об отсутствии серьезных сдвигов в тематике работ за последние годы (возможно, что использование данных предшествующих десятилетий привело бы к более отчетливому результату).

К. Кеннеди (США) подробно излагает историю исследования останков палеолитического человека в Южной Азии. Интерпретация материала в большинстве случаев затруднительна из-за неудовлетворительной датировки и недостаточной изученности находок. Имеющиеся данные дают основание предполагать, что древнейшее население Цейлона имело сходство с современными веддами, а палеолитические группы Северо-Западной Индии были предками создателей хараппской цивилизации.

В статье У. Поллитцера и Р. Элстона (США) суммированы результаты анализа метисных популяций, методы установления доли смешивающихся компонентов. Приводимые примеры касаются исследованных Поллитцером и его коллегами групп, возникших от браков между индейцами, неграми и «белыми» США.